

В главном зале резиденции семьи Линь.

Старый господин Линь расхаживал взад-вперед, то и дело поглядывая на вход.

Когда уже почти стемнело, Юнь Цин и его группа наконец вошли в ворота.

Старый господин Линь и его семья тут же окружили их, с нетерпением глядя на Юнь Цина.

Юнь Цин не стал тратить слова попусту. Он поднял руку, чтобы пресечь неизбежный шквал вопросов, и сразу перешел к делу:

— «Эта резиденция — как давно здесь живет семья Линь? Кто был предыдущим владельцем?»

Старый господин Линь был ошеломлен вопросом и лихорадочно пытался вспомнить: «Я... живу здесь больше сорока лет...»

— «Прежнего владельца звали Чжоу, он был торговцем шёлка».

— «Позже он расширил свой бизнес и переехал на север, так что имущество перешло ко мне».

— «До того, как мы вступили во владение, мы действительно не слышали ни о каких происшествиях. Мы мирно жили здесь более сорока лет, пока... пока не появился этот несчастный сын!»

При упоминании Линь Мучэня старый господин Линь снова начал бить себя в грудь и топтать ногами.

— «А кто был владельцем до него?» — продолжил Юнь Цин.

— «Тот, что был до него...» — старый господин Линь сделал паузу. — «По воле случая, у главы той семьи тоже была фамилия Линь. Кажется, он был чиновником?»

— «Но позже его отстранили от должности, и его место занял господин Чжоу».

Юнь Цин задумчиво погладил подбородок, погружаясь в свои размышления:

..Сорок лет мира... две семьи живут здесь без происшествий. Все, что было до этого, может оказаться неуловимым, точно узнать невозможно.

— «Та штука в колодце... Боюсь, она там уже довольно давно. Вероятно, не меньшей, а может и более ста лет».

Толпа ахнула от шока, втянув в себя холодный воздух.

Столетний призрак? Эта тварь уже должна была превратиться в духа!

— «Я подозреваю, что инцидент с барышней Сяо Лянь пробудил энергию Инь, и обида, которая «разбудила» эту сущность».

Су Чэнь посмотрел на Юнь Цин: «Неужели решить эту... проблему так сложно?»

Услышав это, Юнь Цин одновременно кивнул и покачал головой.

Су Чэнь: ???

Так сложно это или нет?

Цзиньбао, которого он держал на руках, тут же протянул пухлую ручку и начал умело массировать виски своего отца.

— «Отец, Цзиньбао поможет тебе сделать все как надо».

Юнь Цин, наслаждаясь стараниями сына, медленно озвучил свое решение: «Мне нужно спуститься в колодец».

— «Что?!»

Зал наполнился потрясенными возгласами.

У старого господина Линя подкосились ноги, и он едва не упал на колени.

— «Если я не спущусь в колодец, как я узнаю, что там внизу?»

— «Если я ничего не знаю, как я могу решить проблему?» — неторопливо спросил Юнь Цин.

— «Маленький даос, разве ты не можешь просто подчинить его себе, уничтожить... или поймать?» — дрожащим голосом спросил старый господин Линь.

Юнь Цин не хотел с ним разговаривать. Он холодно спросил: «Вы все еще хотите спасти Линь Муяна?»

Старый глава семьи Линь тут же замолчал.

Су Чэнь подумал о древнем призраке, которому, возможно, уже больше ста лет, который обитает на дне колодца: «Будет ли... будет ли опасно?»

— «Раньше было трудно сказать наверняка, — Юнь Цин похлопал по своей тканевой сумке, демонстрируя вновь обретенную уверенность, рожденную изобилием ресурсов, — но разве мы сегодня не запаслись кое-какими «качественными товарами»?»

Теперь у него было достаточно средств, чтобы защитить себя.

Юнь Цин сделал паузу, поудобнее устроив Цзиньбао на руках: «К тому же, я же не один собираюсь спускаться вниз».

Все взгляды последовали за его движением и остановились на маленьком молочном пирожке, который радостно болтало своими крошечными ножками.

Воздух застыл.

Голос старого господина Линя, казалось, слабо звучал в воздухе: «Даосский мастер... ты хочешь сказать... что ты... что ты хочешь взять... маленького господина Цзиньбао... с собой... в колодец?»

Они что, с ума посходили, или этот даос сошел с ума?!

Это же колодец! Там, на его дне, возможно, обитает столетний призрак!

Это не парк развлечений!

— «Да!» — первым ответил сам Цзиньбао.

Его глаза сверкали, как звезды, когда он размахивал своими маленькими кулачками, крича: «Цзиньбао будет сражаться бок о бок с отцом!»

Прошлой ночью папа удобно держал его на руках, пока он спал. Было приятно, но так скучно!

Су Чэнь: «...»

Он понятия не имел, что творится в головах у этих отца и сына!

Глядя на Цзиньбао, который был так взволнован, что чуть ли не танцевал от радости, Су Чэнь попытался его отговорить, но слова застряли у него в горле.

Слуги семьи Линь работали очень эффективно, быстро подготавливая веревки и фонари.

У колодца энергия Инь ощущалась еще сильнее, чем накануне.

Даже стоя за пределами подавительного массива, можно было почувствовать, как по спине пробегает холодок.

Колокольчик на красной нити зловеще молчал.

Юнь Цин ухватился за веревку, Цзиньбао прижался к его груди, и на его маленьком личике не было ни малейшего следа страха.

Су Чэнь наблюдал за необъяснимым волнением на лицах старшего и младшего. Он шевельнул губами, но в конце концов так ничего и не сказал, он лишь пристально смотрел тяжелым взглядом на них.

Как раз в тот момент, когда Юнь Цин собирался спуститься по веревке, Цзиньбао вдруг повернул голову.

Он мило улыбнулся Су Чэню и сказал своим детским голоском: «Папочка, не волнуйся!»

— «Папа — потрясающе сильный! Он защитит меня!»

Толпа: «...» Все взгляды были прикованы к Су Чэню.

Казалось, они разгадали какую-то невероятную тайну!

Су Чэнь уже оцепенел и был слишком ленив, чтобы пытаться понять, что означают эти взгляды.

Встретившись взглядом с ясными глазами Цзиньбао, он едва слышно произнес: «Мм».

На мгновение над колодцем повисла абсолютная тишина, которую нарушал лишь ночной ветер, дувший во дворе и приносящий с собой пронизывающий холод.

Тем временем на дне колодца.

Веревка ослабла, и его ноги коснулись твердой земли.

Дно колодца оказалось просторнее, чем он себе представлял.

Но на него хлынул затхлый, сырой, холодный воздух, смешанный с запахом земли и каким-то неопишуемым гнилостным ароматом.

Когда семья Линь прошлой ночью копала здесь, вода еще была, но теперь дно полностью высохло, остался только влажный и скользкий мох.

Юнь Цин посадил Цзиньбао себе на плечо и сел.

Большие глаза Цзиньбао метались по сторонам, с любопытством оглядывая окрестности.

Юнь Цин щелкнул огнем зажигая бумажный фитиль.

Тусклое желтое свечение едва рассеивало тьму, освещая неровные стенки колодца и груды щебня и ила под ногами.

— «Отец», — внезапно произнес Цзиньбао.

Его маленький носик энергично принюхивался, а в голосе слышалась нотка... желания?

— «Столько обиды и злобы. Пахнет... немного резко, но в то же время сладко?»

Говоря это, он протянул свою пухлую маленькую ручку и схватил сгустки серо-черной энергии в воздухе.

Как будто хотел смять их и засунуть в рот, чтобы попробовать на вкус.

Юнь Цин среагировал быстро. Он легонько шлепнул Цзиньбао по маленькой ручке.

Теперь, когда у отца и сына появился благородный покровитель — «Бог богатства», маленькому духу-младенцу следует сосредоточиться на поглощении большего количества золотого света заслуг.

— «Запихиваешь все подряд в рот? Сколько раз я тебе говорил, что такие «перекусы» вредны для здоровья. Ешь их поменьше».

— «Если ты наешься этого слишком много, то в следующий раз, когда ты прижмешься к своему красавчику-папочке, этот приятный, чистый аромат превратится в запах старой крышки гроба. Тебе бы этого хотелось?»

Цзиньбао тут же отдернул руку, его личико сморщилось, и он отчаянно замотал головой: «Не хотелось бы, не хотелось бы!»

Ароматный папочка не должен вонять!

Ради своего милого папочки он решил с болью в сердце отказаться от этой «лишней порции еды».

Юнь Цин сидел, скрестив ноги, на относительно ровном, небольшом участке земли на дне колодца.

Он достал из тканевого мешочка палочку благовоний, тонкую, как мизинец, темно-фиолетового цвета.

Он потер кончик палочки между пальцами, и головка благовония загорелась без пламени.

Поднялся клуб голубого дыма со странным горьковатым лекарственным ароматом.

В этом закрытом колодце не было сквозняка, но голубой дым не рассеивался и не колыхался. Он поднимался прямо вверх, пронзая тьму у входа в колодец.

Юнь Цин закрыл глаза, сложив руки в печати: «Дым благовоний как проводник, проникнись глубиной, иди вперед!»

Его разум, следуя за этим прямым столбиком благовонного дыма, медленно погружался в хаотичное прошлое...

Тьма перед его глазами рассеялась, внезапно сменившись ослепительным, пронзительным красным светом!

Воздух был наполнен звуками суона, звоном гонгов и барабанов, и куда ни посмотришь, повсюду украшения и фонари.

Это была резиденция семьи Линь, но не нынешняя.

Планировка зданий была отдаленно похожа на нынешнюю, но выглядела более древней и более свежей.

Слуги и служанки суетились, их лица сияли от радости.

Под карнизами висели большие красные фонари, а на дверях были наклеены огромные иероглифы «□».

Его взгляд сместился, словно он наблюдал за кем-то в движении.

Пройдя через шумный передний двор, он вошел в зал для новобрачных, украшенный празднично, но элегантно.

Корона в виде феникса и расшитая мантия цвета розовых облаков, ярко горящие красные свечи, воздух, пропитанный ароматом пудры и сладким свадебным благоуханием.

Женщина в красном свадебном платье, с головой, покрытой расшитой красной вуалью с узором из двух цветков лотоса, чинно сидела на краю кровати, застеленной покрывалом с изображением ста сыновей и тысячи внуков.

Шум за окном приближался, становясь все громче, смешиваясь с пьяным смехом и криками мужчин, подстрекающих других к распитию спиртных напитков.

Жених приближался.

Невеста сидела прямо, в ожидании.

Однако ожидаемого звука открывающейся двери так и не последовало.

Время шло под «треск» красных свечей.

В какой-то момент шум снаружи незаметно стих, и остался только унылый вой ночного ветра, гуляющего под карнизом.

На полу скопился воск от свечей.

Скрип—

Дверь наконец распахнулась.

Но вошедший был не ожидаемым мужем, от которого должно было сильно пахнуть вином.

Это были несколько женщин, одетых прилично, но с размытыми, холодными лицами.

Та, что шла впереди, несла черный лакированный поднос, на котором стояла чаша с дымящимся травяным настоем, источавшим горький и резкий запах.

— «Юная госпожа, пожалуйста, примите лекарство».

Голос был ровным, лишенным всякой теплоты.

— «Ч-что это? Где мой муж? Я хочу увидеть своего мужа!»

Голос невесты донесся сквозь вуаль, чистый и приятный, но теперь в нем звучала паника.

— «Молодой господин... плохо себя чувствует и отдыхает во дворе главного дома».

— «Это успокаивающий отвар. Старая госпожа велела вам выпить это и хорошенько отдохнуть сегодня вечером».

Слова были вежливыми, но в них чувствовалась непреклонная сила.

Вуаль резко приподняли, обнажив часть светлого подбородка и дрожащие губы.

Невеста попыталась сопротивляться, но две крепкие пожилые женщины без церемоний удержали ее.

Эту чашу с угольно-черным лекарственным отваром насильно влили ей в горло!

Почувствовался горький привкус, а затем — головокружительная, мучительная боль, которая взорвалась в животе и быстро распространилась по всему телу!

Ее зрение начало затуманиваться, ярко-красный цвет превратился в отчаянный темно-багровый.

В ушах звучал холодный, почти жестокий шепот этих женщин:

— «Не вини нас. Вини в своих неудачах только себя...»

— «Кто тебе сказал, чтобы ты злила кухню юной госпожи мисс Бяо? Ты обидел того, кого не следовало...»

— «Семья Линь... не может тебя содержать...»

— «У молодого господина тоже не было выбора...» °

Больно! Так больно!

— В последний момент перед тем, как сознание померкло, она увидела, как ее тело падает.

Спотыкаясь, катясь по земле, она увидела перед собой холодный край колодца.

Затем последовало бесконечное падение, ледяная вода колодца хлынула ей в рот и нос.

Последним, что она увидела, был маленький кружок серого неба над колодцем, который быстро удалялся, а затем размылся.

И слабый, приглушенный звук закрывающейся крышки колодца...

Юнь Цин резко открыл глаза. На его лбу выступил холодный пот.

В груди все еще ощущались удушающая боль и ледяной холод.

Хотя техника эмпатии позволяла мельком увидеть отдельные фрагменты, сильное эмоциональное воздействие, которое она оказывала, было поистине невыносимым.

Он сделал глубокий вдох, наполнив легкие мутным воздухом, и посмотрел на свою ладонь.

Он и сам не заметил, как сжал в руке нефритовую шпильку для волос, испачканную грязью.

На головке шпильки был изящный, искусно выполненный цветок магнолии, а сам нефрит был теплым и гладким.

Даже покрытый пылью, он не мог скрыть своего бывшего великолепия.

— «Линь Юньян...» — Юнь Цин пробормотал имя владелицы нефритовой заколки.

Она вышла замуж с соблюдением всех необходимых церемоний, но была отравлена в брачную ночь, а ее тело было выброшено, чтобы избавиться от улики. Жалкая душа.

Сто лет молчания, ее обида и запертая душа, затаившиеся глубоко на дне колодца.

— «Еще одна несчастная душа с горькой судьбой».

Юнь Цин вздохнул, его тон был неоднозначным.

Но если не разобраться с накопившимися за столетие обидой и злобой, то не только Линь Муян, но и вся резиденция Линь и даже окрестности могут оказаться в еще более глубоком болоте.

Он встал и потянул за веревку, висевшую рядом с ним.

Веревка быстро поддалась и начала медленно подниматься.

Все уже давно с тревогой ждали над колодцем.

Увидев, что веревка зашевелилась, слуги поспешно собрались вместе, объединив усилия, и потянули за нее.

Су Чен не отрываясь смотрел на горловину колодца.

Только когда знакомые фигуры старшего и младшего, целые и невредимые, появились из темноты, половина тревоги, которая тяготила его всю ночь, наконец отступила.

Второй половине придется подождать, пока Юнь Цин заговорит.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/18124/1908782>